

Vaseva-Kaděnkova, Ivanka Stojanova

Некоторые наблюдения над эмоциональностью высказвания в болгарском и русском языках

In: *Otázky slovanské syntaxe. IV/2, Sborník sympozia Aktualizační (pragmatické) složky výpovědi v slovanských jazycích, Brno 6.-9. září 1976.* Grepl, Miroslav (editor). Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1980, pp. 131-136

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121632>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ИВАНКА ВАСЕВА-КАДЪНKOBA (София)

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬЮ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Известно, что в разных языках имеются разные способы выражения эмоциональной установки говорящего в высказывании. Мало того: даже когда часть этих способов в системах двух языков формально (а и функционально) совпадает, наблюдаются существенные различия в норме, в частотности их использования и в степени интенсивности эмоциональности речи.

Это касается нередко и таких близкородственных языков, как болгарский и русский.

Здесь мы не будем касаться вопросов разграничения понятий экспрессии (как лингвистической категории) и эмоциональности и оценочности, которые привлекают внимание многих современных лингвистов.¹ Мы согласны с Е. М. Галкиной-Федорук в том, что понятие „экспрессивность“ по содержанию шире понятия „эмоциональность“, так как выражение эмоций в языке всегда экспрессивно, но экспрессивность в языке не всегда эмоциональна.²

Не будем касаться также вопросов анализа семантической структуры слова с целью выделения в нем экспрессивного компонента, выражающего эмоциональное отношение или волевое побуждение говорящего.³ Скажем только то, что смысловая структура слова в любом языке включает в себя богатое коннотативное содержание, которое накладывается на его основное значение, выражая разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочные созначения. Практика перевода обнаруживает на каждом шагу существенные расхождения в коннотативном содержании отдельных соотносительных по денотативному значению слов. Но не в этом дело: очень трудно (а может быть, и невозможно) установить количественное соотношение коннотативной лексики в двух языках и в частности — количественное соотношение ингерентной лексики (т. е. слов, употребляющихся в устойчивых экспрессивных значениях) и адгерентной лексики (с привнесенной экспрессивностью, чаще всего в результате употребления слова в экспрессивном

¹ Е. М. Галкина-Федорук, *Об экспрессивности и эмоциональности в языке*, Сб. статей по языкознанию в честь В. В. Виноградова, М., 1958, с. 103—125; В. К. Харченко, *Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова*, РЯШ, 1976, № 3, с. 66—71.

² Е. М. Галкина-Федорук, *цит. стат.*, с. 107—108.

³ В. А. Звегинцев, *Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова*, Вестник МГУ, Серия историко-филол., 1955, № 1; Харченко, *цит. стат.*

переносном значении) в разных языках на фоне всего богатства словарного состава каждого из них.

И все же даже безглагольное сопоставление метафорического использования слов с переносным значением в болгарском и русском языках дает нам основание предположить, что в русском языке таких слов больше. Например, гораздо больше слов — наименований животных используется для экспрессивной характеристики людей, чем в болгарском (например: *кит, слон, бегемот, шакал, крокодил, ехидна* и пр.). Многие из этих наименований в болгарском языке лишены переносного значения. Притом это касается не только наименований редких и непопулярных у нас животных и рыб (*сурок, ерш, налим* и пр.), но и самых обыкновенных животных (*наседка, ворона, дятел, жук* и пр.).

То же самое наблюдается и в классе слов — наименований бытовых предметов, употребляющихся в переносном значении для характеристики людей: *сапог, (синий) чулок, мешок, тюфяк, тряпка, кочерга, пила, бритва, трещетка, бревно, дуб, дубина, пень, кисель, бочка* и пр. В болгарском языке таких слов-метафор значительно меньше (*върлина, парцал, пачавра, метла, бъчва, вретено, дръвник, пън, дърво, тутманик, тиквеник* и т. д.). Непосредственная выразительность слов и выражений является очень важным средством создания экспрессивности всего высказывания. В этой связи хочется указать на некоторые различия в степени разветвленности шкалы прилагательных, обозначающих качество, в обоих языках.

В русском языке имеются многие синонимические ряды прилагательных типа „невеселый — нечальный, мрачный“; „недобрый — злой“ и т. п. Прилагательные с отрицательной частицей *не-* (*недалекий, небольшой, недобрый, неплохой, небогатый, неглубокий, немалый* и пр.) и наречия этого же типа (*немало, немного, недавно, нелегко, нетрудно, нескоро, недешево* и пр.) широко распространены, в отличие от болгарского языка. В них приставка *не-* обозначает противоположность с оттенком умеренности, ограниченности признака или, по удачному определению Е. Кржижковой, „неострый контраст“ (*неглупый* — достаточно умный; *неплохой* — достаточно хороший; *небольшой* — относительно маленький; *невысокий* — относительно низкий и т. д.). Между *небольшой* и *маленький*, *недалекий* и *близкий*, *неширокий* и *узкий* и т. д. существуют отношения, близкие к синонимическим, но не синонимические. *Небогатый запас* означает более высокую степень качества, чем *бедный запас*; *несложный механизм* более сложен, чем *простой механизм* и т. д.

Широкое использование в русском языке этих двух рядов „синонимов“ (*недалекий — близкий; неширокий — узкий; неглубокий — мелкий, нездоровый — больной* и т. д.) наводит на мысль о том, что в нем степень качества выражается эксплицитно более точно, чем в болгарском, т. к. параллельно существуют два способа (совсем не безразборного) обозначения этого качества:

1. точный, категоричный (*умная девушка, приятная наружность*) и
2. менее категоричный, менее точный (*неглупая девушка, недурная наружность*).

Подобные слова с отрицанием существуют и в болгарском языке (*неотдавна, недалече, недобър*), но от немногих основ и с ограниченной частотностью употребления. Вот почему почти всегда, когда в русском подлиннике

имеется подобная отрицательная конструкция, в болгарском переводе ей соответствует утвердительная, т. е. применяется т. н. антонимический перевод.

Эмоциональность и экспрессивность речи проявляется очень ярко в т. н. суффиксах субъективной оценки. Здесь и наблюдаются наибольшие расхождения между русским и болгарским языком.

1. В русском языке таких суффиксов много и суффиксальные образования широко распространены. В болгарском языке аналогичных суффиксов субъективной оценки мало, а уменьшительные прилагательные и существительные употребляются почти в два с половиной раза реже, чем в русском языке. Особенно ярко проявляется различие в частотности в народной речи: сопоставление языка болгарских и русских пословиц показало, что в русских пословицах (а стало быть, и в русской народной речи) интересующие нас суффиксальные образования встречаются в 11 раз чаще, чем в болгарских пословицах.

2. Кроме того в болгарском языке отсутствуют целые семантические группы УС, обозначающих:

а) отвлеченные понятия, в какой-то мере связанные с представлением об уменьшении (*морозец, сквознячок, закатец; дымок, душок, запахок; жарок, страшок, хохоток, говорок, шумок; тенорок, басок; думка, мыслишка, умок, страстишка; усмешечка, ухмылочка, ответик* и т. д.).

б) В болгарском языке отсутствуют также УС от основ с отвлеченным значением типа *порядочек, поступочек, походочка, характерец, волюшка* и т. п., а также

в) от многих основ, обозначающих точное количество, которое вообще не может уменьшаться или увеличиваться (*денек, ночка, часок, неделка* и т. п.).

Многие из этих УС (за исключением последних) в русском языке выражают отрицательное отношение, которое в болгарских переводах обычно снимается.

3. Что касается самих суффиксов субъективной оценки, то в русском языке есть больше „специализированных“ экспрессивных суффиксов, выражающих преимущественно положительное (ласковое: *-оньк, -еньк*) или преимущественно отрицательное (уничижительное, презрительное, ироничное) отношение (*-ишко, -ашка, -онька, -ешка*), чем в болгарском. В болгарском языке нет специализированных экспрессивных суффиксов, выражающих пренебрежение, иронию, презрение и т. п. вроде русских *-ишка, -ишко (горобишко, умишко, лгунишка), -ашка (старикашка)* и пр. Наши наблюдения показали, что приблизительно 10 % русских УС выражают отрицательное отношение, в то время как в болгарском языке этот процент совсем невелик. Поэтому нередко, если контекст не подсказывает неодобрительной оценки, в переводе она остается невыраженной.

4. В русском языке встречаются чаще УС с двойным уменьшительным суффиксом (*братишечка, сестреночка, сыночек* и т. п.), придающим высказыванию подчеркнуто эмоциональный характер. В переводах на болгарский язык обычно им соответствуют УС с одним уменьшительным суффиксом (*братче, сестриче*) и более слабым эмоциональным содержанием.

5. Для русского языка характерно двойное обозначение эмоциональной оценки (положительной или отрицательной): а) лексически (при помощи

прилагательного-определения) и б) словообразовательно-грамматически (при помощи УС): *крошечные глазки, жалкие садики, милое личико, ехидная старушонка*.

В болгарском языке такое двойное подчеркивание наблюдается реже, особенно, если прилагательное обозначает отрицательное качество. Срв. *мило личице* и *мило лице; негодно момиче, ехидна бабичка*.

6. Согласование по экспрессивности (миленькое личико, гаденькая сьемка, бедовенький мальчишка) не свойственно болгарскому языку. Поэтому, переводя с русского, болгары уничтожают это согласование (*низенький человек — ниско човече; глупенькое личико — глупаво личице, глупавичко лице*).

7. Для русского языка характерно распространение эмоциональной экспрессии в пределах целого высказывания или перемещение ее с одного УС на другие, связанные с ним или зависимые от него. Болгарскому языку чуждо это явление. Поэтому, переводя с русского, болгары сильно сокращают количество УС, оставляя только „ключевые“, несущие основной эмоциональный заряд. В переводах с болгарского на русский, наоборот, очень часто в описании детей, девушек или других персонажей, вызывающих симпатии, сочувствие или, наоборот, — неодобрение, иронию, там, где в болгарском тексте имеется только одно, появляются два-три и больше уменьшительных, даже если их нет в оригинале. Например: Ето Мария като петгодишко дете, русо, *пълничко*, с вечно удивени очи. — Вот Мария — пятилетняя девочка, белокурая, *пухленькая*, с вечно удивленными *глазками* (Д. Димов).

Отражение всех русских УС в болгарском переводе невозможно и неправильно не только потому, что нарушит нормы болгарского языка, но и потому, что текст будет звучать слащаво или экзальтированно, т. е. создаст неправильное представление о стиле автора и его произведения.

В этой связи небезынтересно отметить, что в обоих языках имеется существенная разница также в количестве и частотности употребления слов с увеличительным и усилительно-неодобрительным суффиксом, роль которых тоже сводится к выражению эмоциональной установки говорящего. В болгарском языке круг существительных, от которых возможно образование с увеличительным суффиксом, значительно более ограничен, чем в русском (*ръчище, крачища, мъжага, главок* и пр.), а при прилагательных совсем отсутствуют усилительно-неодобрительные суффиксы. Сопоставление оригинальных русских текстов с их болгарским переводом показывает, что в переводах значительная часть эмоциональных элементов сокращается согласно норме болгарского языка. Например: Я вам положу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщете: *машиница такава*, что в эту комнату не войдет: нет, это не мечта! А в *плечищах* у него была *такая силища*, какой нет у лошади ... (Гоголь, М. души). — Аз ще ви обадя какъв човек беше Михеев — такива хора сега не можете намери: *цяла ми ти машина*, която в тази стая не може влезна; не, това не е мечта! А пък *такива яки плещи имаше*, че и кон не можеше да се мери с него ... (пер. Д. Подвырзачева).

Указанные очень существенные различия связаны, по всей вероятности, с некоторыми различиями в психическом складе обоих славянских народов, с особенностями их национального характера, обуславливающими национальные особенности речи. Кстати, обратное соотношение существует между

чешским и русским языком: чешский язык богаче эмоционально-оценочными субстантивными образованиями, чем русский.⁴

Большую частотность существительных с суффиксами субъективной оценки в русском языке нельзя рассматривать изолированно от более широкого использования в русской разговорной речи по сравнению с болгарской эмоциональной лексики и форм и сочетаний, свойственных аффективной речи. Так

1. в русской разговорной речи употребляются значительно чаще, чем в болгарской экспрессивные сочетания с градационными словами, синонимичными нейтральному „очень“, функция которых — ярче выразить эмоциональную установку говорящего: *ужасно* (забавный), *страшно* (добрый), *изумительно* (верный), *невероятно* (смешной), *дьявольски* (счастливым), *совершенно* (изумительный).

2. Чаще встречаются в русской разговорной речи также прилагательные — абсолютные характеристики, экспрессивно выражающие размер или качество: *громадный* (успех), *гигантские* (подсолнечники), *колоссальное* (строительство), *огромный* (шаг), *сногшибательная* (новость); *игрушечный* (домик), *миниатюрный* (ножик), *крошечный* (мальчик), *кхротный* (рассказик); *замечательный* (языком), *изумительный* (фильм), *необыкновенный*, *превосходный* (вкус) и т. д.

3. В этой же плоскости надо рассматривать и наличие элитива в русском языке и отсутствие его в болгарском. Сочетания типа *чудеснейшая* погода, *колоссальнейшее* строительство, *честнейший* человек, *добрейшая* душа и т. п., обозначая безотносительно большую меру признака, придают высказыванию яркую эмоциональность и экспрессивность.

В болгарском переводе их функция передается или описательно (при помощи градационных слов *много*, *крайно*, *извънредно*: *добрейшая* душа — *извънредно добра* душа; *умнейшая* голова — *много умна* глава), или же не передается — если прилагательное само по себе обозначает высокую степень качества, так как двойное подчеркивание качества не свойственно болгарскому языку и воспринимается как избыточное. Срв.: *чудеснейшая* погода — *чудесно* време; *колоссальнейшее* строительство — *колосално* строителство.

Притом нередко элитив не является единственным средством сообщения высказыванию эмоциональности и экспрессивности: он только усиливает общую экспрессию высказывания, создаваемую эмоциональной лексикой. Например, в письме А. П. Чехова к О. Л. Книппер от 18-II-1901 г. читаем: „У нас погода *просто замечательная*, *изумительная*, весна *чудеснейшая*, *какой давно не было*“. „Ну и холода же *завернули!* — говорит Ковалев. — *Ужаснейший холод!* — подхватывает Яков Петрович. — Ведь тут *хоть волков морозы!* (Бунин, В поле).

Как уже было отмечено, болгарскому языку не свойственно употребление превосходной степени в элитивном значении. Ему чужда также склонность к такой усиленной эмоциональности и экспрессивности речи, к нагнетанию различных средств выражения эмоционального отношения. В нем от-

⁴ Г. П. Нешименко, *Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суф. субъективной оценки в соврем. чешском языке*, Исследования по чешскому языку, 1963, с. 105—158.

существуют и соотносительные средства для экспрессивного выражения „предельного субъективного усиления меры качества сравнительно с нормой“:⁵ *предобрейший человек, пренеприятнейшая неожиданность*.

С точки зрения болгарского языка в русском широко распространено явление избыточности — особенно что касается выражения эмоциональной оценки и степени качества. Например: Во время грибных дождей в воздухе *попахивает дымком* (Пауст., Золотая роза). Здесь проявляется один из законов словоупотребления в русском языке — т. н. экспрессивно-стилистическое согласование:⁶ выразительность соседнего слова или всего контекста определяет выбор другого такого же выразительного слова: *кусочек яблочка, грибочки с лучком; впутаться в неприятное дело* и т. п.

В высказывании „*Слегка попахивало керосинцем*“ значение неполноты признака повторяется трижды: оно выражено всеми тремя словоформами. В болгарском языке ему соответствует „*понамирисваше на газ*“, где только глагольная приставка обозначает слабую степень качества.

Ср. также: „Тяжелая, острая скорбь внезапно охватила его. И почему-то в то же время он показался себе *таким маленьким-маленьким, таким подленьким трусишкой* (Куприн, Ночлег). Здесь отрицательное оценочное значение именного сказуемого второго предложения выражается шестикратно: 1. лексическим значением именной части: *маленький* (= ничтожный), *подлый, трус*; 2. повторением *маленький*; 3. употреблением указательного местоимения *такой* в усилительно-экспрессивной функции (*таким маленьким, таким подленьким*); 4. повторением его для усиления; 5. ярко экспрессивным УС *трусишкой*; 6. согласованием уменьшительного прилагательного с уменьшительным же существительным (*подленьким трусишкой*).

Все эти различия приводят к тому, что русская речь болгар звучит сухо, недостаточно эмоционально. Это проявляется на всех уровнях: лексическом, грамматическом, стилистическом и интонационном.

⁵ В. В. Виноградов, *Русский язык*, М., 1972, с. 208.

⁶ В. Г. Гак, *Беседы о французском слове*, М., 1966, с. 129.